

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
П97

Camille Pagán

LIFE AND OTHER NEAR-DEATH EXPERIENCES

Copyright © 2015 Camille Pagán

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration
with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Ольги Бараш*

Пэган, Камилла.

П97 Жизнь и другие смертельные номера / Камилла Пэган ; [перевод с английского Ольги Бараш]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104981-2

Либби Миллер всегда была убежденной оптимисткой, но когда на нее свалились сразу две сокрушительные новости за день, ее вера в светлое будущее оказалась существенно подорвана.

Любимый муж с сожалением заявил, что их браку скоро придет конец, а опытный врач — с еще большим сожалением, — что и жить ей, возможно, осталось не так долго. В состоянии аффекта Либби продает свой дом в Чикаго и летит в тропики, к океану, где снимает коттедж на берегу, чтобы обдумать свою жизнь и торжественно с ней попрощаться.

Однако оказалось, что это только начало. Даже если Либби уже все решила, ей придется взять себя в руки, потому что у судьбы на нее совсем другие планы.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104981-2

© Бараш О., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

се должно было свестись к обычному «Есть, молиться, умереть», но, честное слово, я не испорчу игру, если сразу скажу: все было совсем не так. Взять хотя бы мой диагноз: доктор Сандерс даже не смог себя заставить произнести это слово.

— Боюсь, она злокачественная, — сказал он, не вставая из-за стола.

— Злокачественная? — тупо переспросила я. День выдался нелегкий, и я с трудом уговорила босса отпустить меня с работы пораньше, хотя позвонившая мне медсестра сказала, что мне необходимо прийти к доктору Сандерсу именно сегодня.

— Раковая, — сказал он, и его тонкие губы стали почти совсем невидимы.

— То есть, вы говорите, что у меня рак? — спросила я, желая, чтобы он наконец выразился ясно — ведь не это же, в самом деле, он имел в виду? Во всяком случае, перед тем как вырезать из моего живота опухоль размером с мяч для гольфа, он говорил, что это просто жировик. А операция — так, для профилактики.

6 КАМИЛЛА ПЭГАН

— Мгм. Боюсь, что да. — Он опасливо поглядывал в бумажку, которую держал в руке, словно речь не шла о жизни и смерти.

— Не... не понимаю, — сказала я.

— Элизабет, — произнес он, наклоняясь, чтобы коснуться моей руки, которую я тут же отдернула, потому что не выношу, когда вторгаются в мое личное пространство, не говоря уж о том, что он с помощью языка тела практически сообщил мне, что я не жилец. — У вас подкожная панникулитоподобная Т-клеточная лимфома. Это исключительно редкая форма рака, и встречается она обычно у людей от тридцати до сорока лет, как вы. Боюсь, она агрессивна. Вам нужно...

Примерно с этого места я перестала слушать, и в моей голове начал прокручиваться молниеносный вариант модели Кюблер-Росс¹. Отрицание: никто не называет меня Элизабет, меня зовут Либби. Злость: а сам говорил, что опухоль безвредна! Он у меня еще спасибо скажет за то, что платил бешеные деньги за страховку от медицинской халатности. Торг: если я приму участие в марафоне в пользу сирот, больных раком, то не только останусь жива, а буду иметь такой оглушительный успех, что сама Опра² будет ре-

¹ Элизабет Кюблер-Росс (1926–2004) — американский психолог швейцарского происхождения, создательница концепции психологической помощи умирающим больным и исследовательница околосмертных переживаний.

² Имеется в виду Опра Гэйл Уинфри — американская телеведущая, актриса, продюсер, общественный деятель, ведущая ток-шоу «Шоу Опри Уинфри».

кламировать мои мемуары. Я стану основательницей целого движения: пробеги, собирающие средства на лечение, для повышения осведомленности — резиновые повязки на запястьях, бирюзового цвета, который станет национальным цветом этой... как там называется моя опухоль? Депрессия: я не побегу марафон, потому что не умею бегать. Я даже зарядки не делаю, поэтому мой организм и пронизан быстро множащимися болезнетворными спорами. До сорока не дотяну. Принятие: увы, принятие в моем исполнении выглядело точно так же, как депрессия.

Я умру. Как моя мать.

Доктор Сандерс продолжал бормотать, не замечая, что я смотрю сквозь него.

— Значит, химия. Я бы хотел, чтобы вы...

— Нет, — сказала я.

— Что значит «нет»? Элизабет, единственный шанс сохранить жизнь — это постараться подавить болезнь как можно быстрее и эффективнее. Понимаю, что вам известны худшие исходы химиотерапии, но в настоящее время лечение вполне возможно, особенно для лимфом. И позвольте сказать: лучше испытывать трудности, связанные с лечением, чем... не лечиться вообще.

— Я не намерена проходить никаких курсов, — сказала я. — Ни химии, ни облучения, ничего. Сколько я протяну без них?

— Прошу прощения?

— Вам есть за что просить прощение: вы мне огласили смертный приговор. Так сколько я проживу без лечения?

8 КАМИЛЛА ПЭГАН

Он выглядел растерянным.

— Я должен провести компьютерную томографию, чтобы понять, нет ли метастазов, но учитывая клеточную активность вашей опухоли... э-э, прогноз будет от шести месяцев до... ну, трудно сказать. Хотя, конечно, бывали и благоприятные случаи...

— Ну ладно, — сказала я, хватая свою сумку со спинки стула. — Я на связи.

— Элизабет! Я бы хотел, чтобы вы сходили на консультацию...

Я вышла, не дослушав до конца, со вкусом холодных металлических монет во рту, будто я уже согласилась на химию и в мою кровь уже начали вливать жидкую отраву. Онкологи, медсестры, радиологи, специалисты по паллиативному лечению: слишком хорошо я знала эту раковую повседневность, и она меня не интересовала. Ни капли. Мой брат-близнец Пол однажды сказал мне, что одно дело — здоровый протест, а совсем другое — страна Либби-Ленд. По его теории люди, чтобы продолжать жить, должны игнорировать реальность, по крайней мере большую ее часть. Иначе все ужасы — детское рабство, войны, пестициды, напиханные в каждый кусок того, что мы кладем себе в рот, знание того, что каждое утро, открыв глаза, ты на день приблизился к смерти, — будут угнетать так, что и с постели не встанешь. «Но в твоём мире, Либби, — говорил Пол, — существуют только котики, радуги и счастливые развязки. Это все очень мило, и, наверное, помогает тебе

спокойно спать. Но иногда я за тебя беспокоюсь».

Я бы обиделась, не будь это Пол, который знал меня лучше, чем кто-либо другой — лучше, чем мой муж Том, лучше, может быть, чем я сама. И я тоже знала Пола лучше всех, знала и то, что он сам не в восторге от своей способности предсказывать катастрофы — пусть даже это делало его безотказно функционирующим высоконадежным механизмом, способным предсказать падение рынка и прочие беды. Мы с ним в этом смысле хорошо сочетались.

Поэтому будет не так просто сообщить ему, что, глядя, как мои котики какают по всей радуге, я свернула не туда и со всей дури въехала в глухой тупик.

Ускоренным шагом выходя из кабинета доктора Сандерса и идя к лифту, я поймала себя на том, что думаю о похоронах, что естественно, когда знаешь, что не удержишься в этом мире. За свою жизнь я только однажды была на похоронах и после этого поклялась себе, что больше никогда ни на одни не пойду.

Потому что те единственные были похоронами моей матери.

В возрасте десяти лет мы с Полом стеснялись держаться за руки на людях, поэтому мы притаились в уголке похоронного зала: он уцепился за край моего платья, а я сжимала рукой уголок его курточки. Мы видели, как отец с кем-то здоровался, кому-то кивал. То и дело к нам подходили, гладили по голове в знак сочувствия и спешили

10 КАМИЛЛА ПЭГАН

дальше, после чего обе стороны испытывали облегчение от сознания выполненного долга. Воздух был полон удушливого химического запаха. Прошла целая вечность, потом еще одна. Наконец кто-то мягко подтолкнул нас к середине зала, где лежало тело нашей матери.

Зал был убран, как маленькая часовня, нам велели сесть в первом ряду рядом с отцом и почти вплотную к гробу. Я помню, что не чувствовала ног, руки и лицо тоже онемели, а уши горели от понимания того, что все сидящие позади изо всех сил стараются, но не могут не пялиться на остатки нашей семьи.

Пастор занял свое место на возвышении и начал молиться, прося Бога принять «жену Филипа и мать Пола и Элизабет» в свой небесный чертог. У меня была другая просьба к главе Святой Троицы: я молилась, чтобы покалывание в онемевшем теле оказалось признаком серьезной болезни и чтобы я как можно скорее оказалась рядом с мамой. Я молила Бога, чтобы он вернул меня к ней — такой, какой она была до рака, когда с улыбкой, в которой не было боли, брала меня за руку, — потому что мне хотелось одного: быть вместе с ней.

Отец сказал какие-то слова. Потом еще кто-то что-то говорил — не помню, кто это был и что говорил. Наконец зал опустел, и Пол тянул меня за платье, все сильнее, показывая этим, что нам пора.

Гроб был открыт только частично, как будто ту половину маминого тела, которая в кон-

це концов убила ее, нельзя было выставлять на обозрение. Я говорила себе, что если не буду смотреть прямо на нее, все это окажется неправдой, что весь этот ужас происходит с кем-то другим.

Даже теперь, после смерти, когда ее лицо было покрыто толстым слоем грима, щеки чрезмерно нарумянены и теперь провалились в тех местах, где были опухшими и растянутыми еще несколько дней назад в хосписе, она оставалась той, кто вытирал мне слезы, когда я нуждалась в утешении, и говорил мне, что будет любить меня вечно и даже еще дольше.

Она была чудесной. И теперь, когда я наклонилась, чтобы слегка дотронуться до нее в последний раз, я знала: что бы со мной потом ни случилось, ничего не будет так невыносимо, как это прощание.

Я думала, что отец отругает меня за это прикосновение, но он в первый раз за день перестал сдерживаться и плакал, стоя на коленях и не замечая своих детей.

Пол тоже плакал рядом со мной. Теперь он держал меня за руку, сжимая ее до боли. Я не сказала, чтобы он перестал. Мы только-только начали осознавать, что остались без матери и кроме друг друга у нас никого нет.

К моменту, когда мы с папой и Полом сели в машину и поехали на кладбище, я решила, что похорон с меня хватит до конца жизни. И почти сдержала обещание: когда умирали наши даль-

12 КАМИЛЛА ПЭГАН

ние родственники, или родители друзей, или коллеги, я посылала большие букеты и сбивчивые извинения за свое отсутствие.

Но когда двери лифта за кабинетом доктора Сандерса открылись и я вошла в металлическую кабину, падающую в вестибюль больницы, мне пришло в голову, что я не смогу сдержать клятву, данную двадцать четыре года назад. Я побываю еще на одних похоронах. На своих собственных.

2

Потом случилось вот что.

— Том! Том? — Я так отчаянно плакала, что линзы вывалились из глаз, и я не была уверена, что маячащее в кухне пятно — это мой муж.

Поток слез вырвался наружу, едва я вышла из кабинета доктора Сандерса; каким-то чудом мне удалось выбраться из больничных лабиринтов на Лейк-Шор-Драйв и поймать такси, не попав под автобус.

Около пяти вечера в понедельник понадобилось полчаса, чтобы доехать до нашего кондоминиума в Бактауне, и с каждой четвертью мили я становилась все рассеянее.

Когда я представляла себе свою жизнь — крупным планом, в широкоэкранный версии — фильм кончался совсем не так. Мне еще нужно было выучить испанский, уйти с работы, посмотреть мир, может быть, усыновить одного-

двух детей (забеременеть я не могла, почему — гинекологу еще только предстояло установить). А крупинки пепла в урне, которая будет стоять на нашем камине, который скоро станет камином Тома и только (всхлип!), предполагались лет в семьдесят, никак не в тридцать четыре.

— Семейные неурядицы? — спросил таксист, протягивая мне салфетку. Тут я зарыдала еще пуще, потому что моему любимому Тому предстоит узнать, что скоро он станет вдовцом.

Том! Такой любящий, такой отважный. Он не захочет, чтобы я видела его слезы, но я представляла, как однажды проснусь посреди ночи и обнаружу, что он тихо плачет перед компьютером (он страдал бессонницей и нередко засиживался до двух-трех часов ночи). Его мне было особенно жалко, а еще папу и Пола, ведь они уже пережили мамину смерть. Даже сейчас ее отсутствие ощущалось, как недавно утраченная конечность: все эти годы мы так и не научились смягчать или игнорировать фантомную боль.

— Либби? У тебя все в порядке? — Том кинулся ко мне, обнял за плечи. Слава богу, он дома. Том работал в небольшой архитектурной и градостроительной фирме, в которой не придерживались строго графика, поэтому он часто уходил из офиса в три-четыре часа, чтобы побродить по городу, а потом заканчивал работу вечером дома.

— Том! — провыла я. — Как это могло случиться?

— Либби... — опасно произнес он и отпустил меня. Это застало меня врасплох: разве ему не полагается гладить меня по голове и утешать? — Ты все знаешь, да?

— Конечно, я все знаю! — У меня закружилась голова. Я-то знаю, а вот Том откуда? Разве у нас нет законов, запрещающих показывать чужую медицинскую карту без согласия пациента? Хотя я, конечно, записала его координаты в договоре о конфиденциальности, который заполнила перед операцией. Может быть, доктор Сандерс так всполошился, когда я сбежала из его кабинета, что решил предупредить Тома?

— О господи, — сказал он. — Я не хотел, чтобы ты узнала именно так. Это О'Рейли проболтался? — спросил он, имея в виду своего лучшего друга, которого, сколько я помню, называл исключительно по фамилии.

Откуда О'Рейли мог знать, что я умираю от рака? Я официально выказала недоумение. Утерла слезы рукавом жакета, порылась в ящике кухонного стола, где держала пару очков про запас. Накोलолась о ножницы, нащупала очки и водрузила на нос. Одной дужки не хватало, так что сидели они кривовато, да и не очень мне ужегодились, но диоптрий хватало, чтобы я могла увидеть, что на лице Тома написано что-то вроде ужаса. У меня упало сердце: видимо, он не так отважен, как мне казалось. «Спокойствие, Либби, — приказала я себе. — Ты нужна Тому».

— Просто я ходил к этому новому психотерапевту... — сказал он.

К психотерапевту? Отлично. Я правда не думала, что Том из тех, кто ходит к мозгоправам, но, по крайней мере, это поможет ему пережить мою смерть.

— Либби, ты меня слышишь? — спросил он, неотрывно глядя на меня.

Я мигнула.

— Что? Нет. Что ты сказал?

— Вполне возможно, что я... гей.

У меня закружилась голова, я почувствовала, что стукнулась позвоночником о край холодной мраморной стойки.

— О боже, — сказала я, уцепившись за руку Тома.

— Либби, — произнес он, привлекая меня к себе, — мне так жаль. Ты в порядке?

— Я... я в полном порядке, — ответила я; я всегда так отвечаю на этот вопрос.

Том смотрел на меня глазами, полными непролитых слез.

— Спасибо, — робко произнес он. — Спасибо, что так говоришь. Ты ведь давно знала, правда? В глубине души.

До этого момента все, что он говорил, как-то не до конца доходило до меня. Теперь наконец дошло. Охренел он, что ли? Я знала, что из-за глобального потепления гибнут белые медведи, что население Китая несколько лет назад перевалило за миллиард и что в слове «контрстратегия» шесть согласных подряд. И при этом понятия не имела, что мой дружок детства, человек, которого я любила почти двадцать лет (двадцать